

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Исторические науки и археология

Отечественная история

*Васькин А.А.,¹ член Союза писателей
Москвы, член Союза журналистов
Москвы*

**В ПОИСКАХ ТОЛСТОВСКОЙ МОСКВЫ.
«ХРАМ ПРАЗДНОСТИ», ИЛИ АНГЛИЙСКИЙ КЛУБ. 1850–1860-Е ГГ.
ТВЕРСКАЯ УЛ., Д. 21**

*На то бильярд стоит, чтоб играть
(Л.Н. Толстой, Записки маркера)*

Английский клуб – одно из тех мест в Москве, посещение которого было непременно в холостой и «безалаберной» жизни молодого Льва Толстого, новоявленного московского денди. В дневнике от 17 декабря 1850 г. находим следующую запись: «Встать рано и заняться письмом Дьякову и повестью, в 10 часов ехать к обедне в Зачатьевский монастырь и к Анне Петровне, к Яковлевой. Оттуда заехать к Колошину, послать за нотами, приготовить письмо в контору, обедать дома, заняться музыкой и правилами, вечером ... в клуб...». Клуб на Тверской² Лев Николаевич оставляет на последнее, на десерт.

Жил он тогда «без службы, без занятий, без цели». Жил Толстой так потому, что подобного рода жизнь ему «нравилась». Как писал он в «Записках», располагало к такому существованию само положение молодого человека в московском свете – молодого человека, соединяющего в себе некоторые качества; а именно, «образование, хорошее имя и тысяч десять или двадцать дохода». И тогда жизнь его становилась самой приятной и совершенно беспечной: «Все гостиные открыты для него, на каждую невесту он имеет право иметь виды; нет ни одного молодого человека, который бы в общем мнении света стоял выше его».

Интересно, что современник графа Толстого, князь Владимир Одоевский писал о том же самом, о молодых людях, слонявшихся по Москве. Но в отличие от Льва Николаевича, констатирующего факт, Одоевский призывал лечить этих денди, причем весьма своеобразным лекарством: «Москва в 1849-м году – торжественное празднотатательство, нуждающееся еще в Петровой дубинке; болтовня колоколов и пьяные мужики довершают картину. Вот разница между Петербургом и Москвою: в Петербурге трудно найти человека, до которого бы что-нибудь касалось; всякий занимается всем, кроме того, о чем вы ему говори-

---

¹ Васькин Александр Анатольевич – историк Москвы, писатель, журналист, лауреат Горьковской литературной премии 2008 г. в номинации «По Руси» (краеведение). Автор книг «Спасти Пушкинскую площадь», «Я не люблю московской жизни», или Что осталось от пушкинской Москвы», «От Волхонки до Знаменки», «От снесенного Военторга до сгоревшего Манежа», «Монастыри Москвы», «Московский университет на Моховой» и других, а также более ста публикаций, исследований, очерков на тему исторического прошлого российской столицы.

² Старейшая и главная улица Москвы, известна еще с XII в. как дорога на Тверь. Даже после переноса в 1714 г. столицы в Санкт-Петербург сохраняла свои представительские функции – по Тверской российские монархи въезжали в Москву на коронацию в Кремль. На Тверской устанавливались триумфальные арки в честь побед русского оружия. За последние столетия значительно перестроена. Жить на Тверской считалось престижным во все времена. Толстой жил на Тверской в 1856 г., в гостинице Шевалдышева (не сохр.).

те. В Москве нет человека, до которого что-нибудь бы не касалось; он ничем не занимается, кроме того, до чего ему никакого нет дела».

Расскажем же о доме, в который и до Льва Толстого, и после него стекались мужчины, ничем не занимавшиеся, кроме того, до чего им нет никакого дела.

Один из немногих хорошо сохранившихся памятников архитектуры Тверской улицы не стал бы таковым, если бы не был построен в 1780 г. на месте парка, лежавшего между Тверской и Козьим болотом. Строили усадьбу для генерал-поручика А.М. Хераскова – родного брата известного поэта Михаила Хераскова. При генерале был возведен главный каменный дом в три этажа.

Херасков «приютил» у себя первую московскую масонскую ложу. На «тайные вечера», проходившие здесь при свечах, собирались книгоиздатель Н.И. Новиков, историк Н.М. Карамзин, государственный деятель И.В. Лопухин и другие. В 1792 г. Екатерина II прекратила кипучую деятельность масонского кружка, для многих масонов наступили трудные времена, но больше всех не повезло Новикову, посаженному в крепость.

С 1799 г. владельцем дома становится генерал П.В. Мятлев; от того времени сохранились стены дома и частично – его первоначальная планировка.

С 1807 г. усадьба перешла во владение графа Льва Кирилловича Разумовского, занявшею ее перестройкой. Однако начало войны и оккупация Москвы французскими войсками перечеркнули далеко идущие планы графа. После пожара 1812 г. здание восстанавливалось по проекту архитектора А. Менеласа, пристроившего к дворцу два боковых крыла. Тогда же, вероятно, были созданы и скульптуры у ворот дома, походившие на львов.

В итоге здание приобрело облик городской усадьбы, характерный для эпохи классицизма. После смерти Разумовского в 1818 г. хозяйкой здесь стала его жена, Мария Григорьевна Разумовская, но она навсегда покинула дом на Тверской улице, переехав жить в Петербург. А усадьба перешла к ее сводному брату, Николаю Григорьевичу Вяземскому.

В первой половине XIX в. осуществлялись работы по перестройке здания, очевидно, по проекту Д.И. Жилярди. В конце XIX в. были снесены столь привычные нашему взору ворота и каменная ограда, а на их месте развернулась бойкая торговля.

Восстановили разрушенное уже при Советах; правда, само здание при выпрямлении улицы Горького задвинули поглубже, на место усадебного сада. При этом крылья дома обрубали.

Сад, конечно, жалко. По воспоминаниям гулявших в нем, он был замечательным: «Прекрасный сад с горками, мостиками, перекинутыми через канавки, в которых журчала вода, с беседками и даже маленьким водопадом, падающим между крупных, отполированных водой камней. Старые липы и клены осеняли неширокие аллеи, которые когда-то, наверное, посыпались желтым песком, а ныне были лишь тщательно подметены».

В настоящее время зданию возвращён близкий к первоначальному облик. Фасад усадьбы, сохранившей строго симметричную композицию со скругленным парадным двором, отличается монументальной строгостью, характерной для ампира. Выделяется восьмиколонный дорический портик на мощном арочном цоколе. Монолитная гладь стен подчеркивается крупными, пластичными, но тонко прорисованными деталями (декоративная лепнина, лаконичные наличники с масками и прочее). Вынесенные на красную линию улицы боковые флигеля решены в более камерном масштабе, двор замыкает чугунная ограда с каменными опорами и массивными пилонами ворот.

Внутри дома сохранились мраморные лестницы с коваными решётками, обрамления дверей в виде порталов, мраморные колонны, плафоны, украшенные живописью и лепниной.

С 1831 г. до Октябрьского переворота здесь собирались члены Московского Английского клуба, «названного так потому, что вряд ли хоть один англичанин принадлежал к нему», как выразился один из побывавших здесь аглицких гостей.

Чтобы войти в число первых членов Английского клуба, необходимо было соответствовать двум главным требованиям: иметь знатное происхождение и ежегодно вносить клубный

взнос – достаточно большую по тем временам сумму. И еще: в клуб допускались только мужчины, даже прислуга была мужского пола.

Вообще-то клуб был учрежден еще в 1772 г., но в царствование Павла I его закрыли. Затем, в александровскую «оттепель» клуб вновь получил право на существование, вскоре превратившись в место сбора московской аристократии, куда съезжались, по выражению Н.М. Карамзина, «чтобы узнать общее мнение».

Уже тогда клуб не знал отбоя от желающих в него вступить. Поэтому число членов ограничивалось сначала 300, а позже 500 дворянами. Известный мемуарист С.П. Жихарев в своих записках, относящихся к 1806 г., дает Английскому клубу в высшей степени похвальную характеристику:

«Какой дом, какая услуга – чудо! Спрашивай чего хочешь – все есть и все недорого. Клуб выписывает все газеты и журналы, русские и иностранные, а для чтения есть особая комната, в которой не позволено мешать читающим. Не хочешь читать – играй в карты, в бильярд, в шахматы. Не любишь карт и бильярда – разговаривай: всякий может найти себе собеседника по душе и по мысли. Я намерен непременно каждую неделю, хотя по одному разу, бывать в Английском клубе. Он показался мне каким-то особым маленьким миром, в котором можно прожить, обходясь без большого. Об обществе нечего и говорить: вся знать, все лучшие люди в городе являются членами клуба».

А вот мнение еще одного очевидца, побывавшего здесь в 1824 г. С.Н. Глинка, беллетрист, издатель «Русского вестника» писал: «Тут нет ни балов, ни маскарадов. Пожилые люди съезжаются для собеседования; тут читают газеты и журналы. Другие играют в коммерческие игры. Во всем соблюдается строгая благопристойность».

Английский клуб всегда твердо сохранял воспетую Глинкой серьезность тона, чураясь театрализованных увеселений. Этому способствовало жесткое правило: лишь по требованию пятьдесят одного члена клуба старшины имели право пригласить для развлечения певцов или музыкантов. Зато любители сладостей не оказывались обойденными, и в отдельной комнате их постоянно ждали наваленные груды конфеты, яблоки и апельсины.

До того, как обосноваться на Тверской, члены Английского клуба собирались в доме князей Гагариных на Страстном бульваре, у Петровских ворот. 3 марта 1806 г. здесь был дан обед в честь генерала П.И. Багратиона. «...Большинство присутствовавших были старые, почтенные люди с широкими, самоуверенными лицами, толстыми пальцами, твердыми движениями и голосами», – описывал Лев Толстой это событие в романе «Война и мир».

Во время московского пожара 1812 г. дом Гагариных сгорел дотла. С 1813 г. деятельность Английского клуба возобновилась в доме И.И. Бенкендорфа на Страстном бульваре. Но так как этот дом оказался для клуба неудобным, то вскоре его члены стали собираться в особняке Н.Н. Муравьева на Большой Дмитровке. Прошло 18 лет, пока выбор старшин клуба не остановился на доме, что и по сей день украшает Тверскую.

Среди основателей и первых членов клуба выделялись представители знатных княжеских родов: Юсуповы, Долгоруковы, Оболенские, Голицыны, Шереметевы. Уже позднее, от прочих сословий были здесь представители поместного дворянства, московские купцы и разночинная интеллигенция.

Бывали здесь все известные московские литераторы и их гости: Пушкины – сам Александр Сергеевич, его отец и дядя; Аксаковы – глава семейства Сергей Тимофеевич, его сыновья Иван Сергеевич и Константин Сергеевич. Здесь также можно было встретить Е.А. Баратынского, П.Я. Чаадаева, М.А. Дмитриева, П.А. Вяземского, В.Ф. Одоевского и многих других.

А.С. Пушкин впервые почтил своим присутствием Английский клуб, когда тот располагался на Большой Дмитровке. Допущен он был в клуб в качестве гостя (тогда нередко говорили «клуб» вместо «клуб»). Чаще всего поэт приходил с Петром Вяземским и Григорием Римским-Корсаковым. В марте 1829 г. Пушкин стал действительным членом Московского Английского клуба.